

Ирина Ясина
История болезни.
В попытках быть счастливой

Ирина Ясина
История болезни.
В попытках быть счастливой

издательство **астрель**

УДК 821.161.1–31
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6–44
Я81

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
В книге использованы фотографии из архива Ирины Ясиной
В оформлении обложки использован фрагмент росписи на стене дома
Ирины Ясиной, выполненной ЕКАТЕРИНОЙ БЕЛЯВСКОЙ
Издание осуществлено при техническом содействии Издательства АСТ

Ясина, Ирина

Я81 История болезни. В попытках быть счастливой / ИРИНА ЯСИНА — Москва : Астрель : CORPUS, 2012. — [272] с.

ISBN 978-5-271-45234-5 (ООО “Издательство Астрель”)

“Он выдал следующее: ‘Вот представляете, жил молодой, красивый, богатый, а потом в один день попал в авткатастрофу и сломал себе спину. Все, жизнь закончилась!’ — ‘Ну и придурок, — подумала я. — Вот сейчас, Михал Иванович, вы полную глупость сказали. Жизнь не закончилась, она просто изменилась. Бывает, кстати, что некоторым это очень прочищает мозги”. Так пишет Ирина Ясина, опираясь на свой опыт жизни человека с очень тяжелой болезнью. Ее книга — совершенно удивительное чтение. Свидетельство без назидательности, честное, мужественное и совсем простое. Уметь радоваться и благодарить; поменьше себя жалеть; помогать другим; всегда смотреть вперед и спрашивать себя “для чего все так повернулось в моей жизни?”; любить людей, ценить их, всерьез ими интересоваться — в случае автора книги “История болезни” это не благие пожелания, а повседневная практика, свой рецепт полной и счастливой жизни в непростых обстоятельствах. И еще на страницах книги, написанной легко и с юмором, — множество людей: любимые родители и дочка, Людмила Улицкая и Михаил Ходорковский, самые разные друзья, писатель Гальего Гонсалес и президент Буш — (плюс некоторое количество котов), — и с каждым связана одна или несколько прекрасных историй. Ни одна протестная акция последнего года не обошлась без участия Ирины Ясиной, о чем она пишет в своих дневниках, разъясняя собственную позицию. Не жди, не бойся, не проси, просто остановись и посмотри на себя и на свою жизнь — у тебя все уже есть. Вот о чем эта книга.

УДК 821.161.1–31
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6–44

ISBN 978-5-271-45234-5 (ООО “Издательство Астрель”)

- © И. Ясина, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
Издательство CORPUS ®

Содержание

Людмила Улицкая. <i>Счастливая Ира</i>	6
ПОСВЯЩЕНИЕ	11
1999 – КОНЕЦ МОЕЙ МОЛОДОСТИ	19
НОВЫЙ ВЕК — 2000	29
Поиски поддержки... ..	31
...и попытки прожигать жизнь	34
Новая жизнь	42
2001	45
2002	51
2003 и СЛЕДУЮЩИЙ 2004 — НЕ РАЗДЕЛИТЬ!	61
2005	77
2006	87
Китай	98
2007	107
2008	113
2009	125
2010	143
НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ	151
ДНЕВНИКИ 2011–2012	155

Людмила Улицкая

Счастливая Ира

Есть одна расхожая и сомнительная истина, которую в двадцатом веке сформулировал великий пролетарский писатель Максим Горький — “Человек рожден для счастья, как птица для полета”. Мысль соблазнительная, с большими и тяжелыми последствиями: когда счастья в жизни никакого не происходит, а, напротив, предлагаются сложности, несчастья, жестокие испытания и много безрадостного труда, человек испытывает огромное разочарование. Мне гораздо больше нравится идея, что человек имеет потенциальную возможность стать счастливым. Это связано с преодолением трудностей и сложностей жизни, с противостоянием несчастьям и невыбираемым обстоятельствам. Оставим в стороне само содержание этого неопределенного понятия — счастья. Я давно уже пришла к мысли, что минуты счастья, испытываемые иногда каждым человеком, вовсе не делают его счастливым. Каждый из нас проходит свой путь от рождения до смерти, и внутри каждой человеческой жизни есть свое высокое задание. Одни люди прекрасно справляются, реализуя свой потенциал, другие маются и тоскуют, избегая или не справляясь со своим уникальным жизненным заданием.

Ира Ясина — один из тех людей, кто выполняет свое задание, несмотря на тяжелые обстоятельства, которые другому человеку помешали бы, выбили из колеи, превратили бы в эгоцентрика, все содержание жизни которого сводится к недовольству, жалобам и депрессии.

Прошли те времена, когда мы выбирали себе учителей среди старших, высокообразованных, выдающихся людей. Сегодня лучшими учителями оказываются наши друзья, и не обязательно старшие, и не обязательно самые авторитетные. Ира Ясина — моя подруга. Я ценю те ее качества, которые всегда были ей свойственны: ум, честность, высокий профессионализм.

Она младше меня по возрасту, но старше по опыту. Выпавшее на ее долю испытание, тяжелая и пока неизлечимая болезнь воспитала из хорошей, но обыкновенной женщины личность незаурядную. Именно болезнь открыла в ее душе такие запасы мужества и смелости, что сегодня она стала учителем для многих людей, здоровых и больных. В трудные минуты своей жизни я обращаю свой взгляд на нее. И дело не только в той войне, которую она так успешно ведет против своей болезни. Она умеет смотреть в глаза страху и побеждает его. Побеждает плохое настроение, усталость, жалость к себе, может быть, и отчаяние. Об этом я могу только догадываться. И я бы тоже хотела этому научиться. Предлагаемая книга — учебник для тех, кому трудно, кто не умеет пока справляться с жестокими ударами жизни, и я благодарна Ире за ее искренность, за ее высокую безжалостность к себе и милосердие к окружающим.

I've loved, I've laughed and cried.
I've had my fill; my share of
losing.
And now, as tears subside,
I find it all so amusing.¹

1 “Я любил, я смеялся, я плакал, я получил сполна и пережил немало поражений, но теперь, когда слезы высохли, мне приятно вспомнить и это” (англ.) — строка из песни *My Way* Фрэнка Синатры на стихи Пола Анка.

Посвящение

Когда отцу исполнилось 70 лет, мне позвонил мой приятель с поздравлениями и сказал: “Ты, Ясина, в казино не ходи. Тебе один раз уже в жизни повезло”.

Повезло? Конечно повезло. Это для вас для всех он — Евгений Григорьевич, а для меня — папка, папуля.

Отцом я его никогда не называла. Отец — слово не ласковое, почти суровое. А папа был и есть всегда теплый и ласковый.

Когда я обнаружила, что у меня есть такой папа? Наверное, в то время, с которого я помню себя более или менее связно. То есть лет с восьми. До этого воспоминания — как всполохи, маленькие легенды, то ли было, то ли не было. Например, есть семейная легенда про то, как Ясин меня воспитывал, заперев в туалете. Мама говорит, что мы гуляли в парке и, трехлетней, мне страстно захотелось шарик. Шариков, естественно, не было. Я какое-то время канючила, а потом легла на землю, пытаюсь, видимо, наглядно изобразить законность и обоснованность моих притязаний. Аргумент папу не убедил. Легенда гласит, что он сгрэб меня в охапку и прыжками понесся домой. Где и за-

пер орущую меня в туалете. И выключил свет. Но я этого не помню. Мое первое отчетливое, разложенное по дням, воспоминание — это лето 1972 года, мы на дедовой даче под Одессой, папа в шортах, носит в рюкзаке из Затоки дыньки-колхозницы. Учит меня плавать, спасает от огромных медуз, рисует на дощатой стене туалета на участке смешные картинки про индейцев. Учит меня играть в бадминтон. А еще мы ездим на противоположный берег Днестра, в Белгород-Днестровский, в суворовских времен крепость Аккерман, и папа нервничает, когда мы постоянно натываемся на кучки человеческих фекалий под каждой героической бойницей.

Папа помнит себя примерно с того же возраста, лет с семи. Началась война, и детская картиночная память “я помню, как мы с мамой фотографировались во дворе” превратилась в связанную линию спешной эвакуации из Одессы, погрузки на поезд в Знаменке, бомбежки около Днепропетровска. Папа помнит, что он поднялся с пола и встал около окна вагона и видел бреющий полет “мессершмиттов”, а мама и другие люди в это время прятались под полками. Потом была жизнь в Северном Казахстане, сначала в Актюбинске, а потом в Акмолинске, потом Верхний Уфалей на Урале. Дед, Григорий Львович, работал на железной дороге, занимался, как бы сейчас сказали, снабжением фронта. Когда фронт стал двигаться на запад, на запад стал двигаться и папа. Помнит абсолютно разрушенный, только что освобожденный Харьков и станцию Лозовая, где жили почти год в голоде и во вшах. Папа болел тифом.

Его воспоминание о голоде очень сильное до сих пор. Летом 1942 года, когда они жили в Казахстане, мама отправила его в, как теперь бы сказали, “пионерский лагерь” в поселке Щучье. С утра дети шли за грибами, потом гри-

бы варили, и это была их еда на день. Может быть, с тех пор Ясин ничего не оставляет на тарелке и все ест с хлебом. Даже кашу и макароны.

В семейном архиве одна из любимых фотографий примерно того времени, когда мы подружились с папой. Мне лет восемь, а Ясину, соответственно, около сорока. Папа с красивой бородкой. Видимо, поэтому мне всю жизнь нравились бородатые мужчины. Это те годы застоя, рассказывая про которые, отец скажет: “Мне казалось, меня уже похоронили”.

Что было делать в вялые семидесятые такому неугомонному и думающему человеку, как папа? То, что он много работал, я помню. Приходил домой с работы поздно, а в выходные обязательно что-то писал за письменным столом в родительской комнате. В своем кабинете, совмещенном с их спальней. Когда папа работал, дверь в родительскую комнату закрывалась, бабушка ходила по дому тихо и ругалась на меня, когда я шумела. Ручку, которой Ясин писал, трогать было строго-настрого запрещено. Это была китайская перьевая ручка, перышко у которой было здорово скошено направо. Писать ею было, как мне казалось, неудобно, но Ясин утверждал, что от этой зелененькой ручки у него вдохновение. Тогда еще Ясин курил. Не помню, когда он перешел с сигарет на трубку, но запах сладкого трубочного табака всегда ассоциируется у меня с папиным рабочим местом.

Папа приходил с работы, ужинал, и мы шли гулять. Ясин вообще всегда поддерживал себя в хорошей физической форме. Зарядку делал, бегал, одно время даже

моржевал. Прогулки с папой после его работы были невероятно интересными — он всегда что-то рассказывал. Не про политику и экономику, мне тогда это было неинтересно, а про мушкетеров, пиратов, великие географические открытия и исторические сражения — самое оно! Интерес к истории и географии жил в нем всегда. Когда-то в Одессе он хотел поступать на географический факультет университета, но из-за пятого пункта не осмелился. Над моей детской кроватью всегда висела географическая карта. Поэтому географию южных районов СССР я знаю особенно хорошо. Таджикский Хорог и туркменская Кушка находились аккурат напротив моего носа. Ну а если в кровати сесть — то вот оно, Забайкалье.

Еще у нас была Коллекция. Старые папки с пожелтевшими листами, на которые наклеены черно-белые фотографии городов и памятников недоступной заграницы, стоят в шкафу. Папа выписывал “Вокруг света”, чешские и польские журнальчики о путешествиях, ножницами вырезал картинки, придумывал подписи, формировал папки. Чехословакия, ГДР, Болгария, а дальше церкви Франции, Равенна, Великая Китайская стена, индийская Аджарта и Мадагаскар. Он побывал везде, не выходя из своей комнаты. И я вместе с ним. Папа научил меня отличать романский стиль от готики, чертить на карте маршруты путешествий Бартоломео Диаша и Васко да Гама. Мы играли в города, часами, вечерами, и не зная, столица чего Антанариву, было неприлично.

Я совсем не знала, чем папа занимается. Только по корешкам книг, которыми был забит вручную сколоченный кем-то из дальних родственников стеллаж, могла понять — статистика, АСУ, экономика. Нет, не экономика — плановое хозяйство. Имена авторов были также очень кра-

сивы — Канторович, Урланис. Тома собраний сочинений Маркса и Энгельса нависали с верхних полок.

Когда я начала понимать, что папа — заметный и значимый человек? Точно не раньше того, как поступила в университет. Конечно, в нашем подъезде в Перово его все уважали. Он не пил, регулярно подбирал набравшихся не в меру соседей и разносил их по квартирам и никогда не давал в долг на выпивку. А в университете меня вдруг стали спрашивать — а ты что, дочь Евгения Григорьевича? А, тогда понятно.

Что понятно? Понятно, что меня будут оценивать как-то особенно, может быть, более снисходительно, а может быть, наоборот. Столкнулась я на факультете и с тем и с другим. Математические кафедры, в дисциплинах которых я явно не блистала, могли поставить мне пристойную оценку за “наследственное знание предметов”, а бойцы идеологического фронта с кафедры политэкономии хотели придраться, да не могли. Мой гуманитарный мозг запоминал всю социалистическую хрень с одного прочтения. Правда, после сессии из головы все жизнерадостно вылетало.

То есть папа был для одной части факультета друг и брат, а для другой — противник. Потом я много раз спрашивала его: в какой момент он перестал верить в коммунизм? Ведь верил же? Не мог не верить, и по воспитанию и по образованию. Он всегда говорил, что точкой невозврата стал 1968 год, советское вторжение в Чехословакию. В 1968 году папа выучил чешский, чтобы читать их газеты, а в 1980-м — польский.

Потом была моя сумасшедшая молодость. С отцом мы были по-прежнему близки. Но уже не так. Мои любви,

взросление, самостоятельность без мудрости, замужество отдалили меня от него. Одновременно жить в стране становилось все интереснее. А папу все интереснее слушать.

У меня не было шансов увернуться и не быть его сторонницей — сторонницей свободы, рынка и минимального присутствия государства в жизни общества и каждого человека. Вас он убеждает, когда вы слушаете его по радио, но дома-то он тоже обо всем об этом говорит...

Когда папка был министром, а я журналистом, я никогда не приставала к нему, стараясь выведать, чего журналисту знать не положено... Мы даже никогда не договаривались об этом — предполагалось само собой. Как то, сказанное им мне еще в детстве: “Не позорь фамилию!”

Я старалась. Иногда мне становилось обидно. Все мои успехи объяснялись тем, что Ясин помог. Это еще хорошо, что я так и не стала экономистом. Быть экономистом с такой фамилией и, мягко выражаясь, полной неспособностью заниматься наукой, было бы смешно. У меня другие достоинства: я быстро (но поверхностно) схватываю, умею простыми словами объяснить. Но сидеть и размышлять дольше минуты... А он — часами, на отвлеченные темы... Преклоняюсь.

— Ну конечно, при таком-то отце...

Типа можно быть полной дурой, и все равно — успех неминуем.

Как бы не так!

Папа — тот редкий человек, который, уйдя из власти, почувствовал облегчение. Занялся университетом. Он обожает свою Вышку — Высшую школу экономики, которая выпестована и вдохновлена им...

И вот таким вы все его знаете. И, надеюсь, уважаете. А я просто до какого-то тихого мурлыканья, до замирания — люблю. И повесть моя посвящена папе, моему учителю и судьбе.

**1999 — конец
моей молодости**

Как сложно начать! Хотя в разговорах с близкими подругами, с дочкой, с самой собой я проговаривала все это много раз. Но письменный текст, он другой, я журналист, я знаю. Право, совсем просто давать интервью, когда тебе задают вопросы. А посмотришь расшифровку того, что наговорено, и приходится править, вычеркивать, дописывать. Письменный текст требует большей ответственности. Перед собой в первую очередь.

Когда она пришла? Она — это моя болезнь, сущее, которое изменило мою жизнь, не исковеркало, не обворовало, а медленно и неуклонно выбивало старые привычки, устоявшиеся интересы, меняло вкусы и отношение к дому, к вещам, к любви, к чужим слабостям. Отнимая одно, всегда щедро давало другое.

У болезни несколько дней рождения. Первый, когда ты начинаешь ее чувствовать. Второй — когда ставят диагноз и ты понимаешь, что это навсегда. А третий — когда осо-

знаешь, что она, твоя болезнь, с тобой уже очень давно. Вас просто только недавно познакомили.

А реально я осознала, что не просто стала быстро уставать, а что-то серьезно не так, в мае 1999 года. Все симптомы появлялись и раньше: накатывала свинцовая усталость (но если прилечь, она быстро проходила), слишком часто подворачивалась левая нога (может, обувь неудобная или связку раньше потянула, а теперь оно вылезло), немели пальцы рук (курить в юности надо было меньше)... Но в мае 1999-го, когда мы с родителями поехали в Лондон и Эдинбург, на меня навалилось что-то большое, глобальное и неведомое. Я испугалась и решила по возвращении сдать врачам. Но дома появились другие проблемы, и до врачей я дошла только к середине лета.

Врачи, в моем тогдашнем понимании, обладали врожденной презумпцией виновности. Они точно хотели меня залечить, обобрать и сделать своей рабой. Они, надо сказать, были тождественны такому к себе отношению. Без смеха не могу вспоминать, как меня, среди прочих экспериментов, отправили лечиться гипнозом. Я вообще-то маловнушаемая особа, что обычно понятно из простого разговора. А уж когда тебя пытаются загипнотизировать под аккомпанемент работающей в коридоре дрели!

По всему по этому, когда после месячного пичкания транквилизаторами меня отправили к окулисту, я страшно возмутилась.

— На хрена мне весь этот медосмотр! Я проверяю свою близорукость, когда заказываю новые очки в модной оправе, — пылила я.

Помню эту свою почти истерику по поводу проверки зрения (даже слезы были!) очень хорошо. Лето, красота, никаких вроде бы предчувствий.

А молоденькая девушка-окулист почему-то забеспокоилась и погнала меня делать ядерно-магнитный резонанс.

Через час результат был готов. У врачей сомнений не было — рассеянный склероз. По-моему, сначала мне самой этих слов не сказали. А если бы сказали, я бы не испугалась. Я не знала, что это такое. Мне запомнились какие-то мутные слова типа “тени в головном мозге”. С чего вдруг?

Откуда я узнала подробности? Медицинской литературы в моем доме не водилось. Говорить о страшном словосочетании с кем бы то ни было я боялась (произносить — и то боялась). Дома был Большой энциклопедический словарь. Его любила пользоваться свекровь при отгадывании кроссвордов. Наверное, оттуда. А еще вспоминаю, что сидела в кабинете очередного врача, а она вышла. Я, как воришка, быстро стащила с полки неврологический справочник. Тайком. Прочитала. Врач вернулась. Вопросов я не задала, как будто если не произносить слово вслух, оно не станет реальностью. Самое страшное, что я могла вообще узнать о болезни, — она неизлечима. А еще про инвалидизацию, трудности при ходьбе, нарушение равновесия и еще пару абзацев кошмаров. Но главное — неизлечима.

Может вообще понять значение этого слова молодая женщина (35 лет!), относительно здоровая, привыкшая не обращать внимания на свой организм? Я о нем особо не заботилась, всякую зарядку-фитнес-бассейн с детства не любила, и организм, пошаливая иногда, не мешал мне жить активной жизнью. Привыкшая к успеху, прекрасно танцующая, обожающая велосипед по бездорожью и высокие каблуки? Прочитать с ужасом описание болезни я могла, допустить, что такое в принципе может случиться, — могла. Понять, а тем паче примерить на себя — нет! Тем более что пока я только уставала и спотыкалась. Нет, не только! Уже становится нелегко ходить вниз по ступенькам. Нужны перила или чья-то рука.

Вот с рукой выдалась особая проблема. На момент прочтения мною слова “неизлечима” у меня был муж. Жили мы со студенчества, много чего пережили, много работали (как-никак лихие 90-е — наше время!), много наслаждались жизнью. Был он веселый, остроумный, щедрый, не без комплексов и странных привычек, но кто же на них обращает внимание, когда вы рядом со студенчества? Как мы сами с ним шутили, “были вместе еще при коммунизме...”.

Проблема в том, что муж любил гулять. Знаете такую студенческую шутку: “Что такое симпозиум? Пьяная оргия с участием женщин”. Вот-вот. Я догадывалась, конечно. Но правила общежития он нарушил за все годы один раз (пришел домой утром, а не вечером), врал мастерски, а я, видимо, хотела верить. За что и поплатилась. Через несколько ночей моих истерик с криками “Что же со мной будет?!” муж сказал, что хочет пожить один, но всегда станет помогать мне материально.

Что такое “пожить один” понятно даже такой доверчивой дуре, как я. Вопросы, которые жизнь ставила передо мной, становились все более экзистенциальными.

Что, моя жизнь заканчивается? С этим еще можно примириться. Все-таки я начиталась в юности Ремарка. Вместо того чтобы годами бороться с болезнью в высокогорном санатории, Лилиан покупает шикарные платья от Баленсиага и несколько месяцев наслаждается жизнью. А потом снова в санаторий, но уже ненадолго. То, что предстояло мне, пугало больше смерти. Беспомощность. Зависимость. Одиночество.

Мне было страшно просыпаться. До пробуждения и даже в первые секунды после него была слабая надежда, что все это мне снится. Первые полгода я не могла толком ни работать, ни читать, ни воспринимать адекватно окружающих. Увлекательной работы у меня тогда не было — после Центрального банка, из которого я ушла сразу после дефолта августа 1998 года, все было скучным. Предложений работы было не так много, как бы хотелось, но деньги я зарабатывала. Воспринимать кино или театр тоже не получалось.

Я понимала, что для дочки атмосфера в доме стала просто ужасной. Ушел папа. Мама все время плачет и ни с кем не общается. Чтобы как-то оградить десятилетнюю девочку от происходящего, я завела щенка. Смешной маленький мопсик, названный нами Лео, здорово помог. Щенок он и есть щенок — играет, грызет мои цветы в горшках, дудонит на пол, учится поднимать заднюю лапку. Для дочки он стал отличным партнером. Лео помог ей даже не помнить те, самые страшные для меня дни.

Я то время на самом деле плохо помню. Искала ли я виноватых? Искала, конечно. Первыми подворачивались

муж и его молодая подружка, о которой мне конечно же рассказали в подробностях. Катя, живет на Плющихе, двадцать два года. Она, впрочем, не скрывалась — например, пришла поздравить мужа с днем рождения, когда мы сидели за столом с гостями. С букетиком. Я ее выгнала. Сама, правда, после этого тоже не засиделась за праздничным столом. Попросила мужниного друга, который был когда-то свидетелем на нашей свадьбе, проводить меня через три улицы из ресторанчика домой.

— Ну, ребята, вы даете, — буркнул Серега.

Вы? С множественным числом я была не согласна.

Мужу моему поведение его подруги, такая борьба за него, очень нравились.

Головой я понимала, что хотя они оба ведут себя по-свински, но все же не они виноваты в том, что я заболела. А сердце... Рвалось на части. Мне было 35, а женщина во мне погибала. Мне же казалось, что муж ушел из-за моей болезни. Ему, дурачку, просто не повезло. Его очередной роман и моя болезнь просто совпали во времени. Ну да, и девушка его шла ва-банк в борьбе за собственное будущее.

Мой диагноз мужа не остановил — он ушел в самый тяжелый момент. Момент отрицания мною происходящего. Безумного желания вернуть прошлое. Но это я сейчас так спокойно говорю...

Эта парочка вволю поиздевалась надо мной. Девушка Катя могла позвонить в дверь квартиры с утра и передать галстук, который “твой муж забыл ночью”. Или, наоборот, объявиться по телефону после полуночи и заботливо посоветовать “не волноваться, он уже выехал”. Когда я жаловалась мужу, он говорил, что я все придумала. Нервы были на пределе.

А поскольку я честная по природе своей, то я понимала, что другого мужа в моей жизни уже не будет. Если

ушел этот, с которым я прожила четырнадцать лет и родила дочку, так что же говорить о ком-то еще. Любой мужчина услышит слова “рассеянный склероз” и...

В себе я тогда еще не копалась. Я пряталась... Самым главным смыслом жизни стало делать вид, что все по-прежнему. То есть те же каблуки. Те же силы. Ни в коем случае не дать понять окружающим, что с моим телом что-то происходит. Врать, что подвернула ногу и поэтому держусь за перила... Создание видимости существования прежней Иры Ясиной занимало все мое время. Страшнее периода в моей жизни не было.